

ТВОРЧЕСТВО СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 821.161.1–1

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-179-184

ДЕСКРИПТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ РУСТАМА КАРАПЕТЬЯНА

А. Н. Губайдуллина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Статья продолжает цикл исследований, посвященных поэзии современных сибирских авторов для детей. Рассматривается творчество красноярского автора Рустама Карапетьяна на материале его книг 2012–2013 гг. Игровая поэтика лирики Карапетьяна выявлена на следующих уровнях текста: фонетическом, грамматическом, в образной системе, на уровне лирического сюжета и композиции. Делается вывод о том, что детская поэзия Карапетьяна обладает структурной целостностью (разные уровни единой системы текста приводят к сходным выводам); игра способствует воплощению сознания ребенка. Множественные противопоставления, выявленные на разных уровнях стихотворения, отражают диалектику и неоднозначность авторского восприятия действительности.

Ключевые слова: *современная поэзия для детей, сибирская поэзия, Рустам Карапетьян, уровни художественного текста.*

Красноярский автор Рустам Карапетьян, член Союза российских писателей, на протяжении нескольких лет публиковался во многих детских журналах: «Простоквашино», «Мурзилка», «Чиж и еж», «Костер», «Рюкзачишка», «Современный детский сад». Он является автором шести книг для детей, многих поэтических и прозаических произведений, вошедших в коллективные сборники, постоянным участником семинара «Детгиза». Карапетьян ведет литературные мастерские и обучающие семинары для детских писателей. Тем не менее на настоящий момент его поэзия совершенно не изучена и актуальна для исследования наравне с творчеством других сибиряков: Е. Анохиной, Д. Сиротина, А. Бергельсона [1, с. 140].

Его стихи для детей продолжают традиции игровой и лирической поэзии XX в. Карапетьян не боится прибегать к мотивам и сюжетам, уже известным детской литературе. Так, в стихотворении «Солнечный зайчик скатился со стенки» [2, с. 1] разговор ребенка с солнечным лучом позволяет вспомнить стихотворение Е. Благиной «Посидим в тишине» [3, с. 32]. И в том и в другом тексте сюжетообразующим является мотив тишины. В обоих стихотворениях героями являются мама, ребенок и солнечный луч (солнечный зайчик). Разни-

ца заключается в мотивации героев и, соответственно, в общей интенции текста. Если ребенок у Е. Благиной стремится соблюдать тишину, чтобы не побеспокоить маму, то малыш из стихотворения Карапетьяна испытывает трепет перед моментом красоты окружающего мира: «– Мамочка, тише. Ведь солнечный зайчик / Сладко сопит на коленках моих!» [2, с. 1].

Текст Р. Карапетьяна «Разные собаки» [4, с. 13] заставляет вспомнить произведение Юнны Мориц «Огромный собачий секрет» [5, с. 6]. А стихотворение «Волки и елки» [4, с. 9] вступает в диалог с поэтической сказкой А. Барто «Дело было в январе» [6, с. 2]. Многочисленные параллели объясняются сознательной опорой на традицию. Для Карапетьяна важны не эксперимент и разрушение шаблона, а скорее, утверждение существующего канона. Автор работает в системе, которая «принципиально воспроизводима – дублируема, логически моделируема, генетически или исторически наследуема» [7, с. 16]. Тем не менее можно говорить об уникальности его художественного мира. Дескриптивный анализ как метод описания комплекса детских стихотворений этого автора предполагает обращение к разным уровням поэтики и поиск повторяющихся или родственных элементов, позволяю-

щих сделать вывод об особенностях творчества в целом.

Лирический герой поэзии Р. Карапетяна – маленький ребенок. Некоторые стихотворения адресованы ребенку как ситуативные поведенческие советы. Но чаще стихотворения, скорее, проявляют логику ребенка, его способ мышления, его радости и страхи. Передать детское сознание удастся с помощью ряда лексических или логических трансформаций.

Автор использует разные уровни языка для моделирования детского мышления. Фонетический уровень помогает «озвучить» мир, как это часто делают взрослые для маленьких детей. Буквенная (а при чтении вслух ребенку – звуковая) оболочка слова семантически усиливается, как, например, в стихотворении «Подожду зеленого» из одноименной книги: «Вот проехал грузовик: / ВЖИК! // А за ним промчался джип / ДЖИП!» [8, с. 2]. Использование заглавных букв синэстетически подкрепляет силу звука: насыщенность, опасность уличного движения. Одинаковые фонетически «джип» и «ДЖИП» становятся разными частями речи: существительным и звукоподражанием. Каждая машина обретает свой голос. Герой стихотворения воспринимает улицу футуристически: в ее многоголосии, скорости, отсутствии спокойствия. Кульминацией стихотворения является перечисление подряд всех звуков машин, приведенных ранее в тексте. Этот ряд звукоподражаний помогает автору лаконично передать мощный уличный трафик. Не случайно в стихотворении есть и другие признаки футуристической поэзии, такие как строфическая «лесенка», рваный ритм, ассонансная рифма: «Встал в сторону снова я: / Подожду зеленого!» [8, с. 8]. В книге «Подожду зеленого», состоящей из одного стихотворения, беспорядок и движение улицы передаются в том числе и иллюстративно. Фоновые картинки – хаотические, пестрые, с динамическими сюжетами. Автору удается создать целостный графический и фонетический образ урбанизированной реальности в восприятии ребенка.

Приемы звукописи используются во многих стихотворениях: «Голодная кошка» [4, с. 15], «Две подружки» [4, с. 7], «Мокрое» [4, с. 57] и других. В большинстве случаев прием служит созданию более емкого образа персонажа. Это может быть его непосредственный голос: «Говорит нам кошка: / – Мммьыррр, / Дайте мне швейцарский сыррр!» («Голодная кошка»). Либо условное описание ситуации, как в стихотворении «Мокрое». «Дождик с неба кап-кап. / Я по лужам топ-топ. / – Посмотрите, мам-пап! / Как я мокро шлеп-шлеп! // Посмотрели мам-пап, / И подняли вмиг крик. / Слезки в лужу кап-кап, / Нос печально шмыг-шмыг» [4, с. 57]. Рядом с этим стихотворением на полях книги

изображены отдельно звукоподражания из самого текста и надпись: «Родители, не повторяйте ошибок!». Стихотворение, рассчитанное на двойное прочтение (детьми и родителями), предполагает для маленьких дискурс приключения, а также своего рода загадку на достраивание сюжетной ситуации, а для взрослых – парадоксальный дидактический посыл против излишней назидательности и строгости воспитателей.

В русле современной детской поэзии Карапетян выступает против прямого нравоучения и родительского запрета. Дискредитация взрослых не является непосредственной задачей его детской поэзии, но их ироническое восприятие прослеживается во многих текстах, в частности в стихах, где одним из персонажей является папа.

«Я и папа» – один из устойчивых мотивов лирики поэта. Так, в книге «Все на свете очень славно» папа появляется в четырех из десяти стихотворений. С одной стороны, малыш – герой книги – стремится подражать отцу: «С папой вечером со службы / Возвращаемся домой...» («Очень все на свете славно...» [9, с. 1]); «Мы бежали с папой вместе...» («Мы бежали с папой вместе...» [9, с. 8]). Отец является значимым взрослым для ребенка и имеет авторитет: «Потом обольюсь! Зубы вычищу сам я! / И сделаю завтрак для папы и мамы!» («Однажды – какое хорошее слово...» [9, с. 6]) – сын соотносит свое поведение с папиными требованиями: «Уноси скорее лапы, / А не то увидит папа. / Папа строгий, берегись! / Будет нам с тобою: “Брысь!”» («Мяу, – мне сказала киска...» [9, с. 7]). Но при этом образ отца лишен идеализации. Не только ребенок похож на папу, но и папа похож на сына, в том числе своими недостатками. Взрослый так же ленится, и для ребенка представление о рабочем дне отца включает в себя безделье наравне с трудом: «И мычим с дивана дружно: / “Как устал я, Боже мой!”» («Очень все на свете славно...»). Папа притворяется и не всегда бывает искренен. Например, в стихотворении «Мы бежали с папой вместе...» малыш постоянно побеждает отца в беге, а потом случайно замечает, насколько быстро папа может бегать на самом деле: «Но вчера, проспав немножко, / Папа выскочил за дверь. / Я смотрел за ним в окошко / Папа бегаёт, как зверь!» [9, с. 8].

Мир взрослых закрыт для ребенка и достраивается им самостоятельно. Маленький герой поэзии Карапетяна существует в двух параллельных сферах: пространстве действительности и своего воображения. На композиционном уровне данная двойственность воплощена в повторяющейся структуре стихотворений, где ребенок моментально «перемещается» из игрового мира в привычный быт. «От врагов во сне я драпал / И во сне упал я на

пол. // И понятно стало мне, / Что упал я не во сне» («Сонное» [4, с. 56]). Сюжетное падение символизирует житейское «приземление»: переход из фантазийной сферы в реальную. Часто стихотворение заканчивается интонационным снижением.

Поэзия Рустама Карапетьяна предлагает своего рода модернистскую парадигму, в которой реальный мир для ребенка проигрывает фантазии: быт оказывается более жестким и прагматичным. «Если руками махать очень быстро, / Сильно руками махать и махать, / Можно взлететь и носиться со свистом / В солнечном небе огромном и чистом. / Но постарайтесь в нем не натоптать...» («Если махать руками» [4, с. 33]). Последняя строка противопоставлена всему предыдущему тексту, являет собой запрет. Это взрослое требование, транспонированное на детскую мечту. Кода нескольких стихотворений связано с присутствием взрослого, не позволяющего детской фантазии быть безграничной. «Мы старались, как могли: / Нагрузили корабли, / Посетили много стран, / Расплескали океан, / И, счастливые, из ванны / В кухню выплыли, скользя... // Мама, в угол капитана, / Ставить все-таки нельзя!!!» («Капитан» [4, с. 54]). Финал передает сознание ребенка, понимающего реакцию взрослого на активное купание (наказать, поставить в угол), но и отстаивающего, поясняющего свою позицию: капитана ставить в угол нельзя. В стихотворении угадывается игра словами: загнанный в угол капитан остается без вариантов маневрирования. В отличие от игровой свободы передвижения это – неигровой тупик, возвращение в бытовую реальность. Эмоциональное напряжение здесь передано не только несколькими восклицательными знаками в конце, но и чередой противопоставлений: если в первой части текста ребенок является главным (образ капитана), то в итоговом двустииши он может потерять свою самостоятельность и становится зависимым; если в основном тексте отражена радость игры (счастливые), то в финале – потенциальная возможность наказания (в угол). Тем не менее статус «капитана», его уверенность не покидают героя, декларирующего свои правила. «Нельзя» – запрет мальчика маме, а не наоборот.

Однако взрослые не всегда предстают противниками детей. Родители и со-присутствуют в игре, являются ее частью. Они не столько субъекты игры, сколько ее пассивные участники, включенные в игру ребенком. Сравним предыдущее стихотворение с родственным сюжетно и расположенным на соседней странице книги: «По неведомой земле / Плыли мы на корабле. // Сквозь поля и сквозь леса / Нас тянули паруса. // Через горы и холмы, / Не сдаваясь, плыли мы. // И, взобравшись на бархан, / Возвратились в океан. // И нырнули с

трапа / Прямо к маме с папой!» («На корабле» [4, с. 53]). В этом тексте встреча с родителями также маркирует итог игры, но это счастливый финал – возвращение из путешествия. Можно сделать вывод, что отношения взрослого и ребенка в детской поэзии Рустама Карапетьяна диалектически противоречивы; это связь двух начал, которые одновременно необходимы и являются помехой друг другу.

Во многом сложность отношений обусловлена разницей в мироощущении детей и взрослых. Если родителям трудно принять мир игры, то для ребенка он является естественной ментальной и эмоциональной средой. Игра организует жизнь детей; при этом воспринимается автором не с позиции когнитивного бихевиоризма, утверждающего, что ребенок осваивает в игре модели и паттерны поведения взрослого. Для Карапетьяна игра самоценна, она равна приключению. Главная ценность игры в том, что она допускает невозможное в реальности. Поэтому три инвариантных сюжетных мотива данной поэзии: мотив полета (летает ребенок во сне, летают окружающие предметы, летают животные: корова или крокодил); мотив плавания и – шире – путешествия (один из постоянных героев – пират); мотив превращения (на превращении у Карапетьяна строится жанр небылицы, который также присутствует в нескольких вариантах).

Но игра – это не только примерка новой роли и выход за границы реальности. Игра понимается автором в разных значениях. На лексическом и грамматическом уровнях это словотворчество. Речь идет об изменении грамматической формы слова либо создании неологизмов: «городотрясение» (по модели «землетрясение», «городотрясение» [4, с. 28]); «уши-вбок-торчковая» (характеристика породы собаки, данная ребенком в стихотворении «Моя собака» [4, с. 25]). Наравне с графической оболочкой слова, его грамматическая форма передает аудиальные особенности речи: ее громкость, скорость. «По тропинке утром рано / Через мостик деревянный / Сквозь молочные туманы / На зеленые луга / Шли бараны, / Шли бараны, / Шлибараны, шлибараны, / Шлибаранышлибараны / И четыре пастуха» («Шли бараны» [4, с. 10]). Стихотворение имеет интонационную кульминацию – и спад. Слова, разделенные сначала строфически, соединяются в одно, поэтическая интонация ускоряется. Таким образом автору удается передать большой размер стада, его бесконечное движение, удивляющее маленького героя.

Рустам Карапетьян активно использует языковую игру. Многие стихотворения «вырастают» из устойчивого словосочетания. Например, фразеологизм «бить баклуши» (лениться, бездельничать) становится основой лирического сюжета одного из шуточных текстов. «Вечер был какой-то скушный,

/ Ветер дул какой-то душный, / Били-били мы баклуши, / Били-били целый час. // Но устали мы, и тут же / Стало все гораздо хуже: / Вдруг опомнились баклуши / И в ответ побили нас¹» [2, с. 1]. Из фразеологизма рождается нонсенс, игровой «перевертыш», построенный на чередовании объекта и субъекта действия. По аналогии с сознанием ребенка, опредмечивающим абстрактные понятия, автор материализует неизвестное детям слово «баклуши» не за счет конституирующих признаков объекта, а наделяя его качествами актанта, действующего и имеющего волю. В данном случае не принципиально, как выглядят воображаемые «баклуши»; важно, что любое действие имеет обратные последствия.

Языковые манипуляции вводят читателя в область фантастического допущения. Домашний сервиз разбивается, стремясь ввысь вслед за «летающими тарелками» («Вчера пролетали над городом низко...» [9, с. 3]). Хобот слона способен собирать пыльцу растений, подобно хоботку насекомого («Так слона я нарисую...» [2, с. 5]). Под градом из винограда можно ходить без зонтика («Град» [4, с. 60]). Каждое стихотворение, использующее «жонглирование» понятиями, двойственно. С одной стороны, оно демонстрирует приемы детского мышления (и этом смысле внутритекстовый автор имманентен герою), с другой, напротив, – провоцирует читателя на творческое раскрепощение, умение видеть неожиданный ракурс привычного явления.

Игровые приемы встречаются не только на грамматическом и лексическом уровнях, но и в образной системе. Не только объекты, но и персонажи меняют свой статус. Как это присуще детской фантазии, неживые предметы наделяются антропоморфными чертами, части обретают статус целого, изменяется размер предмета. Приведем несколько примеров.

1. Часть/целое: «Как-то раз бездомный пес / Повстречал лохматый хвост. // Вдруг нахальный хвост без спросу / Больно хлопнул пса по носу. // Долго-долго за хвостом / С лаем гнался пес потом. // Так устал – упал без ног. / А под боком хвост прилег» («Пес и хвост» [4, с. 14]).

2. Одушевленное/неодушевленное: «Нацепив на шею шарф, / Шел по Африке жираф. // Шарфик сонный и пятнистый / Улыбался всем лучисто, // Всех одаривал поклоном... / Был он вежливым питоном» («Шарфик в Африке» [4, с. 6]). См. также: «Строгий доктор» [4, с. 50]; «Оловянные солдатики» [4, с. 35].

3. Большое/маленькое: «Кухня очень далеко, / Очень-очень нелегко / Одному туда пойти, / Пото-

му что по пути // Чудище зубастое / В коридоре шастает / Когти выпускает / К маме не пускает, // Скалит свой зубастый рот / И пронзительно орет: / Мыр-мя-а-а-а-у!!!» («Чудище» [4, с. 30]). См. также: «Рецепт» [4, с. 37].

Если систематизировать приведенные выше примеры, можно заметить, что поэт тяготеет к столкновению противоположностей. Образный мир включает ряд оппозиций (небесное/земное; большое/маленькое; антропоморфное/неантропоморфное и так далее). Поэзию Карапетьяна нельзя назвать авангардистской, но, подобно авангардистам, он конструирует поэтическую реальность, оперируя чередуемыми элементами. На наш взгляд, подобный подход достигает двух целей. Во-первых, речь идет об «остранении» (В. Шкловский) предмета или события в сознании ребенка. «Если небо взять рукою / И немножко соли взять, / Кинуть все в стакан с водою, / Хорошо перемешать. / Если взять на кухне блюдо, / Вылить в блюдо весь стакан, / То у вас, конечно, будет / Самый синий океан» («Рецепт» [4, с. 37]). Название «Рецепт» свидетельствует о практичности и доступности метода «получения океана». Стихотворение начинается с соотнесения, уравнивания абстрактной и конкретной сущностей (небо и соль) и основывается на подчеркивании (и одновременном преодолении) противопоставления между маленьким, бытовым (стакан, блюдо) и огромным, независимым от человека (океан). В результате герой-экспериментатор предстает в роли демиурга, принадлежащего миру и при этом создающего мир.

Демиургический, божественный потенциал детства неоднократно подчеркивается в лирике темой неба (другого пространства), к которому ребенок устремлен или принадлежит: «Можно взлететь и носиться со свистом» («Если махать руками»); «Вдруг подул однажды ветер, / Песню громкую запел, / И взлетели в небо дети, / Те, кто мало каши ел» («Мало каши» [4, с. 42]); «Не верите – можно спросить у щенка. / Со мною он тоже смотрел в облака» («Летающая собака» [4, с. 22]); «Я лечу ее спасти: / – Мама, мамочка, прости!» («Если мама...» [4, с. 63]). Ребенку, в отличие от взрослого, доступно многое; он обладает большей степенью свободы, которую выявляет система оппозиций.

Во-вторых, сопоставление противоположностей отражает авторское стремление к гармонии. Карапетьян предлагает два взаимодополняющих взгляда на жизненную ситуацию. Это могут быть точки зрения взрослого и ребенка либо позиции условных антагонистов: «Из прожаренной пустыни / Дружно страусы вопят: / – Приплывайте к нам, пингвины, / Пить холодный лимонад // А пингвины с важным видом / Отвечают им, ворча: / – Лучше вы к нам в Антарктиду / Забегайте-ка на чай!»

¹ Во всех стихотворениях, приведенных в статье, сохранены орфография и пунктуация авторов.

(«Пингвины и страусы» [4, с. 8]). Две части стихотворения противопоставлены пространственно (жаркая пустыня – Антарктида), интонацией персонажей (вопят – важно ворчат), их действиями (плыть – бежать), образами (холодный лимонад – чай). Однако сохраняется общая интенция к сближению. Герои противопоставлены друг другу ситуативно, но родственны эмоционально. Два противоположных смысловых «полюса» уравнивают друг друга, что свидетельствует о важности Другого, достраивающего внутренний мир каждой личности.

Таким образом, дескриптивный анализ нескольких уровней поэзии для детей Рустама Карапетьяна (фонетического, лексико-грамматического, композиционного, лирического сюжета, образной системы) свидетельствует о целостности авторского

художественного мировоззрения. Автор последовательно передает детское восприятие мира. Детское сознание осознается им как свободное, творческое, авантюрное, при этом диалектически противоречивое, нуждающееся в Другом (часто – родителе) для постижения окружающего мира и себя. Главной категорией лирики Карапетьяна становится игра, понимаемая одновременно и как свободное творчество, и как проигрывание многообразных жизненных сценариев и ролей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) и правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004а(р) «Творчество сибирских писателей второй половины XIX – начала XXI века для детей и молодежи в контексте литературных традиций».

Список литературы

1. Губайдуллина А. Н., Полева Е. А. Поэзия рубежа XX–XXI веков для детей // Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.). Т. 1. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2016. С. 140–171.
2. Карапетьян Р. А. Били-били мы баклуши. Минск: Издатель В. Т. Квилория, 2012. 10 с.
3. Благинина Е. А. Стихи для детей. М.: Стрекоза, 2017. 64 с.
4. Карапетьян Р. А. Нарисованный слон. Красноярск: Поликор, 2012. 54 с.
5. Мориц Ю. П. Большой секрет для маленькой компании. М.: Стрекоза, 2005. 16 с.
6. Барто А. Л. Дело было в январе. М.: Лабиринт, 2017. 48 с.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. 3-е изд. М.: Академия, 2009. 340 с.
8. Карапетьян Р. А. Подожду зеленого. Минск: Издатель В. Т. Квилория, 2013. 10 с.
9. Карапетьян Р. А. Все на свете очень славно. Минск: Издатель В. Т. Квилория, 2013. 10 с.

Губайдуллина Анастасия Николаевна, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634003). E-mail: gubgub@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 09.08.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-179-184

THE DESCRIPTIVE ANALYSIS OF THE R. KARAPETYAN'S POETRY FOR CHILDREN

A. N. Gubaydullina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Rustam Karapetyan (Krasnoyarsk) is the author of six children's books. He also has publications in many children's magazines and collective books. The article continues a series of studies devoted to the poetry of contemporary Siberian authors for children. The author of the article analyzes phonetics, grammar, vocabulary, figurative system and lyrical plot.

Karapetyan's children's poetry has structural integrity. An important category of his poetry is the game (play). The game / play is dual. On the one hand, the poet realizes it as free creativity, which a child can realize, but an adult can't. On the other hand, the game is an opportunity to try different life roles. The child and the parent are opposed to each other, but at the same time they are mutually necessary as two complementary worlds.

A small hero of Karapetyan's poetry exists in two parallel spheres. There are space of reality and his imagination. Fantasy is more significant than reality. The motives of flight, travel, magic transformation are constantly repeated in poetry. In addition, the poet is not afraid to use the plots and motives that were previously encountered in Russian

children's literature. Karapetyan's creativity enters into a dialogue with well-known authors and it continues the tradition of classical lyrics for children.

Key words: *contemporary poetry for children, Siberian poetry, Rustam Karapetyan, structure of poetic text.*

References

1. Gubaydullina A. N., Poleva E. A. Poeziya rubezha XX–XXI vekov dlya detey [Poetry for children of the turn of the XX–XXI centuries]. *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshstva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010-e gg.). T. 1* [Siberian literature for children and youth. Trends and context of development (1950–2010)]. Vol. 1]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2016. Pp. 140–171 (in Russian).
2. Karapet'yan R. A. *Bili-bili my baklushi* [We twiddled our fingers]. Minsk, Izdatel' V. T. Kviloriya Publ., 2012, 10 p. (in Russian).
3. Blaginina E. A. *Stikhi dlya detey* [Poems for children]. Moscow, Strekoza Publ. 2017. 64 p. (in Russian).
4. Karapet'yan R. A. *Narisovanny slon* [Painted elephant]. Krasnoyarsk, Polikor Publ., 2012. 54 p. (in Russian).
5. Morits Yu. P. *Bol'shoy sekret dlya malen'koy kompanii* [Big secret for a small company]. Moscow, Strekoza Publ., 2005. 16 p. (in Russian).
6. Barto A. L. *Delo bylo v yanvare* [It was in January]. Moscow, Labirint Publ., 2017. 48 p. (in Russian).
7. Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of artistic text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 340 p. (in Russian).
8. Karapet'yan R. A. *Podozhdu zelenogo* [I'll wait for the green light]. Minsk, izdate! V. T. Kviloriya Publ., 2013. 10 p. (in Russian).
9. Karapet'yan R. A. *Vsyo na svete ochen' slavno* [Everything in the world is very nice]. Minsk, izdate! V. T. Kviloriya Publ., 2013. 10 p. (in Russian).

Gubaydullina A. N., National Research Tomsk State University (ul. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: gubgub@ngs.ru